

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.03

Правильная ссылка на статью:

Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Образ благополучия в нарративах жителей Дальнего Востока: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 38—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.

For citation:

Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. (2020) The Image of Well-Being in Narratives of Far-Easterners: Results of a Research Project. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 38—50. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, А. О. Панфилова ОБРАЗ БЛАГОПОЛУЧИЯ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

ОБРАЗ БЛАГОПОЛУЧИЯ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

THE IMAGE OF WELL-BEING IN NARRATIVES OF FAR-EASTERNS: RESULTS OF A RESEARCH PROJECT

КОСТИНА Елена Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-MAIL: kostina.eyu@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

*Elena Yu. KOSTINA*¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities

E-MAIL: kostina.eyu@dvfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

ОРЛОВА Надежда Александровна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-MAIL: orlova.na@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

ПАНФИЛОВА Анна Олеговна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
E-MAIL: panfilova.ao@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

Аннотация. Статья посвящена анализу субъективных представлений о благополучии, основанных на результатах серии интервью с респондентами — жителями Приморского края. Путем обобщения качественных данных и контент-анализа формулируются содержательные и функциональные характеристики представлений респондентов на заданную тему. Участникам предлагалось дать характеристику своего видения благополучия и его практического смысла, поразмышлять об его источниках, описать обратное явление неблагополучия. По итогам работы с качественными данными показано, что субъективно представления о благополучии у респондентов в большей степени соотносятся с терминальными ценностями; понятийные ассоциации и оценочные суждения также имеют ценностный характер. Наиболее значимая роль в достижении благополучия отводится личной активности и мотивированности на достижение важных жизненных целей.

Nadezhda A. ORLOVA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities
E-MAIL: orlova.na@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

Anna O. PANFILOVA¹ — Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities
E-MAIL: panfilova.ao@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. Based on a series of interviews with Primorsky Krai residents this paper analyzes subjective perceptions of well-being. By means of generalization drawn from qualitative data and content analysis the author attempts to describe respondents' views of well-being. The participants were offered to define how they perceive well-being and its practical implications, to ponder over its sources and to describe the reverse of ill-being. The findings suggest that subjectively respondent views of well-being largely correlate with the terminal values; discursive associations and evaluative judgments are value-based. A major role in attaining well-being is assigned to individual's activity and motivation to achieve crucial life goals.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, ценности, удовлетворенность жизнью, счастье, субъективные представления

Keywords: well-being, social well-being, values, life satisfaction, happiness, subjective assessment

Благополучие в предметном поле научных исследований

Благополучие в современной интерпретации — весьма неоднозначная категория. Это измеряемая и описываемая величина, интегральный индикатор, при определении которого почти всегда необходимо подбирать синонимичные и направляющие понятия — успешность, счастье, востребованность, высокое качество жизни, так или иначе показывающие грани самочувствия человека в текущих общественных условиях. О социальном благополучии можно говорить, оценивая жизнь человека или общества в целом, а можно «разбивать» эту оценку на составляющие, характеризующие отдельные аспекты жизни (семейное, профессиональное и т. д. благополучие). Благополучие человека определяют и через оценку или самооценку его социального статуса и положения, его представлений о возможности и реалистичности достижения желаемого.

Исследователи по-разному трактуют благополучие, наполняя его смежными понятиями и смысловыми гранями. Так, социальное благополучие и непосредственно связанные с ним категории анализа (такие как «счастье», «удовлетворенность жизнью», «социальное самочувствие») имеют определенные психологические, экономические и политические основания. Соответственно, терминологически выделить благополучие в «чистом виде» весьма сложно. Так, ряд зарубежных исследователей сознательно не разводят понятия «счастье», «субъективное благополучие», «удовлетворенность жизнью». К примеру, Р. Истерлин использует их как синонимы [Easterlin, 2003: 11176], а в одной из последних работ Э. Динера встречается фраза: «субъективное благополучие, которое в народе называют счастьем или удовлетворением» [Diener, Oishi, Tay, 2018: 253].

Говоря о субъективном благополучии человека, можно заметить, что оно в большей степени описывается в рамках психологического дискурса. Так, исследователи указывают, что во многом оно зависит от индивидуальных особенностей личности, от того, как человек воспринимает, объясняет и оценивает внешний, окружающий его мир [Andrews, 1991]. П. Коста и Р. МакКрэй еще на рубеже 1970—1980-х гг. собрали данные о наличии стабильной связи субъективного благополучия с экстраверсией (положительные) и нейротизмом (отрицательные) [Costa, McCrae, 1980]. Эти результаты неоднократно подтверждались и в более поздних исследованиях, показавших связь индивидуальных свойств личности и присущего ей базового уровня благополучия [Vittersø, Nilsen, 2002; Steel, Schmidt, Shultz, 2008]. В современной исследовательской практике имеются данные, указывающие и на роль генетического фактора, его влияние на субъективную оценку благополучия [Bartels, 2015; Gureev et al., 2018].

Отметим, что только индивидуальными особенностями невозможно объяснить «предрасположенность» людей к определенному уровню благополучия. Так, имеются данные, показывающие, что не все люди «возвращаются» к базовому уровню

благополучия после переживания серьезных негативных событий в своей жизни, соответственно, значимой оказывается роль факторов внешнего порядка. К примеру, Б. Ван Прааг указывает, что благополучие человека зависит переменных от двух типов: первый тип — характеристики самого человека, а второй — переменные, характеризующие социальную группу, к которой человек принадлежит [Van Praag, 2011]. Выраженность представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде через удовлетворенность ею, ощущение счастья в их субъективной оценке представлены и в российской исследовательской практике [Шамионов, 2014: 77].

Для социологов субъективное благополучие — предмет изучения в связке с ценностями общества, социальным контекстом, формирующим поведенческие стратегии, и социальной напряженностью [Мареева, 2018: 696]. Оценивая свое благополучие, люди часто прибегают к сравнению себя с другими. Если раньше это были лица ближайшего социального окружения (родственники, соседи), то в современных информационных условиях это происходит опосредованно. Люди сравнивают себя с медиаобразами благополучных людей, транслируемыми средствами массовой информации и социальными сетями. Ситуации, когда рост собственных доходов не успевает за изменением идеальной «медиакартинки», можно оценивать как социальный источник внутреннего диссонанса, затрудняющего и осложняющего положительную оценку субъективно ощущаемого благополучия.

Р. Истерлин, изучая взаимосвязь счастья с экономикой и политикой, указывает, что если рост дохода не вызывает прямого роста уровня счастья в стране, то полная занятость и безопасность — это две базовые точки, продуцирующие рост социального благополучия населения [Easterlin, 2013: 14]. На уровне отдельных людей зафиксировано прекращение роста эмоционального благополучия после достижения определенного годового дохода [Kahneman, Deaton, 2010]. Часто встречается смысловая коннотация благополучия с удовлетворенностью жизнью, ее условиями и течением. В субъективных положительных оценках этих позиций имеет значение фактор экономического роста (в долгосрочной перспективе), но при условии сохранения социального доверия и снижения социального неравенства в обществе [Mikucka, Sarracini, Dubrow, 2017].

Благополучие как научная категория вплетено и в предметную исследовательскую область социальной географии, подтверждая свой сложный междисциплинарный статус и требуя к себе соответствующего внимания. Так, различия в субъективных оценках благополучия часто детерминированы пространственным фактором — местом проживания, региональной локацией, экономико-географическими особенностями местности. Это подтверждают работы исследователей в области географии благополучия [Aslam, Corrado, 2012; Oswald, Wu, 2010; Allik et al., 2018]. При этом важно учитывать не просто этногеографические особенности определенной территории, культурные и этнические различия, но также и своеобразие социально-исторического опыта, культурного пути социума, поскольку через их призму осмысливаются и социальное благополучие, и счастье [Sortheix, Schwartz, 2017].

Таким образом, благополучие человека — это сложный социальный процесс с материальными, реляционными и субъективными оценками, которые люди осуществляют на индивидуальном и коллективном уровне [White, 2010: 159]. Это предмет исследования психологов, социологов, политологов, экономистов, через

анализ которого они оценивают и уровень счастья, и социальное самочувствие, и меру реализации целей государственной социальной политики. Поэтому важно исследовать не только внешние объективные (чаще всего — статистические) показатели благополучия, но и его субъективные составляющие, включающие в себя особенности социального восприятия и установок, жизненный опыт, отношение к повседневности и т. д.

В рамках настоящей работы определим благополучие как целевое, желательное ощущение-состояние человека, позволяющее ему оценивать свою жизнь и ее течение положительно. В основе такой оценки лежит параметр удовлетворенности значимыми жизненными целями и ценностями, мерой их реализации. Соответственно, благополучие является, во-первых, процессом; во-вторых, — процессом формируемым и развивающимся; и, в-третьих, — имеющим оценочный характер, поскольку фиксируется через оценочное отношение к важным для человека бытийным компонентам-ценностям.

Как было отмечено Р. Инглхартом на основе данных «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey — WVS), уровень субъективного благополучия и счастья не зависит от экономического положения государства, и его показатели остаются стабильными в большинстве стран от волны к волне измерений [Inglehart, 2000]. Так, когда люди в одних странах чувствуют себя более счастливыми, сталкиваясь с одной и той же социально-экономической ситуацией, чем в других, исследователи говорят о своеобразной чувствительности стран [Mizobuchi, 2017]. Культурные факторы также могут определять уровень удовлетворенности жизнью, который принято демонстрировать в тех или иных культурах. К примеру, для современной западной культуры личное счастье является одной из основных ценностей [Joshanloo, Weijers, 2014], в других же культурах демонстрация личного счастья или несчастья неприемлема (так, некоторые исследователи заявляют, что определенная ценность и рефлексия переживаемого несчастья — отличительная особенность «русской души» [Goodwin et al., 2002]).

Такое смешение в исследовательской практике не всегда конструктивно: порой возникают методологические и методические сложности, затрудняется очерчивание предмета исследования. Несмотря на это, интегрально благополучие вырисовывается как стратегическая социальная и государственная ориентация-состояние, на достижение которого генерируются усилия общественно-политических организаций и институтов. Одновременно это и ключевой стандарт социального государства, и миссия его функционирования. «Цель социального государства одна — общее благо, социальное благополучие и социальная гармония, то есть общество, в котором, живут свободные люди, гордые своей древней историей и смело смотрящие в будущее» [Охотский, 2015: 49].

Исследовательский проект

Будучи своего рода «воротами» России в Азиатско-Тихоокеанский регион, Приморский край обладает географической, социально-экономической и демографической спецификой, детерминируемой целым рядом социально-исторических и социокультурных факторов. Несмотря на прикладываемые государством и правительством усилия по стимулированию развития социального и эконо-

мического потенциала региона, результаты проявляются не столь заметно, как хотелось бы. Так, регион до сих пор демонстрирует отрицательное сальдо миграции населения, устойчивую тенденцию миграции трудоспособного населения в центральные и южные регионы России; является одним из лидеров среди российских регионов по стоимости жилья; традиционно отличается сырьевым характером экономики по сравнению с другими регионами России, выраженным приоритетом рыбодобывающей, рыбообрабатывающей, лесной торговой, логистической отраслей занятости. Социальное и экономическое своеобразие края дает основания предпринять социологическую оценку представлений жителей региона о благополучии в их субъективном выражении.

Качественное исследование, реализованное авторами, состояло из серии полуструктурированных интервью и было построено по принципу критериального отбора информантов. Критериальные фильтры выборки следующие: проживание на территории Приморского края не менее трех последних лет и возраст не младше 18 лет (критерий совершеннолетия). Цель — анализ субъективных представлений о содержании благополучия как желаемого социального состояния, его источниках и «антифакторах» как препятствиях его достижения. Продолжительность каждого интервью составила примерно 30—40 минут; данные в ходе исследования собирались до возникновения устойчивого эффекта повтора вербальных конструкций ответов, т. е. до достижения «порога насыщения».

Гайд интервью был структурирован тематически. Его структурные блоки: содержание (наполнение) конструкта благополучия/неблагополучия; их источники; уровень беспокойства и тревожности; субъективные представления о счастье как о вариативном компоненте благополучия. После транскрибирования в работе с полученными данными применялись методы тематического анализа текстов, контент-анализа, семантический подход к оценке данных, работа с контентом на основе ассоциаций.

Субъективное понимание благополучия в обобщенных качественных данных

Транскрибирование ответов и их последующий контент-анализ позволили установить ряд категорий, детерминирующих индивидуальное понимание благополучия информантами. К ним относятся: семья и семейное благополучие, материальное благосостояние, личная целеустремленность, жизненный успех («жизнь удалась»), душевное спокойствие, уверенность в себе и своих силах, уверенность в завтрашнем дне.

Заметным трендом в ответах стало описание благополучия через терминальные ценности (таковым воспринимается и само благополучие). Семья, дети, здоровье, труд/работа/любимое дело, душевное спокойствие, уверенность — ассоциируемые и связываемые с ним ценности. Не будем абсолютизировать этот показатель, поскольку на самом деле часто эти ценности не связаны напрямую с ощущением человеком благополучия. Это может носить, к примеру, характер социальной установки (особенно у представителей молодежной подгруппы, еще не имеющей собственной семьи и детей), заданной ранее агентами социализации. Тем не менее отметим качественную выраженность этой ассоциативной установки.

В высказываниях также выражена значимость материального фактора собственного благополучного положения. Анализ контента позволяет указать на то, что финансовая уверенность — признак, по которому информанты не просто судят о благополучии, но и описывают собственные ощущения. Имеющиеся сложности материального плана — скудная пенсия, невысокий доход — заставляют беспокоиться о своем материальном положении более 60 % опрошенных в интервью, что явно обращает на себя внимание. Наиболее беспокоящиеся в этом отношении группы — старшего и пожилого возраста.

Контент-тренд уровня личной тревожности как антифактора благополучия можно оценить как средний¹; контент-анализ показал, что большинство отвечающих тревожатся:

- о «будущем своих детей/внуков» (наиболее частый фактор тревожности);
- о «собственной/дальнейшей жизни» (здоровье, деньги, работа и т. д.; о том, из чего и каким образом она будет складываться, и что ее может осложнить).

Связываются жизненные риски и тревоги²:

- с неудовлетворительным текущим материальным положением (чаще всего);
- ситуацией в сфере отечественного здравоохранения (его высокой коммерциализацией, невысоким качеством предоставляемых услуг);
- возможной потерей работы, снижением дохода и т. п.

Общий контент-тренд, зафиксированный в этом смысловом блоке, — тревожность-неопределенность, то есть беспокойство, вызванное неизвестностью, сложностью личного прогноза развития, отсутствием внятных стратегических жизненных перспектив, а также ощущением трудности долгосрочного планирования на будущее в таких условиях.

Субъективное ощущение благополучия у информантов чаще всего не связано с ощущением стабильности в обществе, уверенности в завтрашнем дне. Напротив, некоторые высказывания разводят эти два состояния:

«Да, я социально благополучный человек... А вот в настоящее время не уверена в завтрашнем дне. Потому как сейчас нет той стабильности, которая необходима для человека» (женщина, 73 года).

То, насколько благополучно ощущают себя люди, не зависит напрямую от социально-экономического положения, международной и внутрисполитической ситуации. Можно быть благополучным и в не очень благоприятных общественных условиях, высказывая при этом глубокую озабоченность происходящим вокруг, тревожась за будущее детей.

Представления о неблагополучии: факторы и причины

В смысловом блоке, оценивающем субъектное восприятие неблагополучия, можно выделить внутренние, внешние и комбинированные детерминанты. В первом случае описание причин неблагополучия сводится к диспозиционным ха-

¹ По итогам контент-анализа — при семантической обработке ответов по блоку «Уровень беспокойства и тревожности».

² По итогам подсчета семантических единиц — начиная с наиболее частой и далее в порядке частотного убывания.

рактеристикам, то есть ответственность за сложившуюся ситуацию возлагается на самого человека и связывается с его личностными качествами, намерениями, мотивацией к достижению поставленных целей. В данном контексте информанты исходят из обобщенной позиции: «это вина человека» (мужчина, 25 лет), «сам [человек] виноват» (женщина, 29 лет), «это происходит по его вине» (мужчина, 49 лет), неблагополучие человека объясняют ленью («ленивый, скорее всего» (женщина, 51 год), «все люди обленились» (мужчина, 25 лет), «потому что он ленивый» (женщина, 65 лет), «лень родилась раньше, чем человек» (мужчина, 46 лет)), отсутствием воли («у него нет воли» (женщина, 46 лет), «силы духа нет у человека» (женщина, 47 лет)), неспособностью и нежеланием ставить цели и достигать результата, преодолевать жизненные трудности и проблемы («человек не прилагал достаточно усилий или выбрал не ту жизненную цель» (мужчина, 47 лет), «это происходит из-за отсутствия мотивации» (мужчина, 49 лет), «человек сдается и не достигает поставленных перед собой целей» (женщина, 25 лет), «не хочет сам чего-нибудь достигать» (женщина, 62 года). К диспозиционным объяснениям можно отнести и высказывания, связанные с экзистенциальными трудностями («не находят свой смысл жизни» (мужчина, 26 лет), «нет стимула к этой/такой жизни» (мужчина, 27 лет)). Суммируя высказывания по данной группе, можно свести их к следующим тезисам: «все зависит от самого человека» и «мы сами кузнецы своего счастья» (мужчина, 54 года).

Вторая группа высказываний содержит ситуационные объяснения неблагополучия, когда причины усматриваются во внешних обстоятельствах, факторах социального или физического мира, не зависящих от самого человека. В данном случае, исходя из общего представления о том, что неблагополучие возникает вследствие «каких-то событий, обстоятельств в жизни, воздействия негативных факторов», «стрессовых ситуаций» и влияния «окружающей среды», его причины люди находят в сложной жизненной ситуации («потеря работы, потеря дома, какого-то капитала» (женщина, 46 лет), «меняют жизнь человека различные заболевания» (мужчина, 26 лет), «постигла какая-то неудача» (женщина, 46 лет)), а также связывают их с результатами воспитания («в детстве просто не научили каким-то основам» (женщина, 25 лет), «среда, где он воспитывался все-таки» (мужчина, 62 года), «все идет с детства, зависит от воспитания» (мужчина, 53 года), «родители не объясняют, да и в школе не объясняют детям, что нужно им, ну то есть, не учат тому, что на самом деле нужно во взрослой жизни» (женщина, 31 год)) и ролью государства («все зависит от нашего государства» (женщина, 31 год), «я считаю, что только государство виновато» (мужчина, 53 года), «отсутствие заботы со стороны государства» (женщина, 64 года)). В целом по данной группе ответов обобщающим является тезис: «все мы зависимы от обстоятельств» (мужчина, 71 год).

Третья группа представляет собой комбинацию диспозиционных и ситуационных объяснений причин неблагополучия человека. Это такие высказывания, как «люди просто не хотят работать, или это сложная жизненная ситуация» (женщина, 25 лет), «зависит как от ситуации в стране, так и от самого человека» (мужчина, 25 лет), «или сам человек не достиг того в жизни, чего мог бы достичь или в чем-то по вине государства» (женщина, 44 года), «где-то ему не повезло, возможно, где-то сыграло нежелание человека трудиться ради своей цели» (мужчина, 50 лет). Отметим,

что менее всего информанты в своих высказываниях были склонны объяснять неблагополучие человека комбинацией диспозиционных и ситуационных причин.

Схожая логика имеется и в выражении группового тренда, который позволяет обозначить благополучие в субъективных представлениях как «активное» и функциональное состояние, как формируемый процесс. Благополучие достигается в большей степени через усилия и действия самого субъекта, нежели через везение, случайный успех и т. д. Иными словами, выделяется установка на конструирование желаемого жизненного состояния как источника его благополучия. Отметим, что в достижении последнего важны уже инструментальные ценности, те качества, которые человек использует, чтобы добиться желаемого. Важно, что эта позиция значительно в большей степени характерна для лиц молодого (18—34 лет) и среднего возраста (35—54 года).

В этом же контексте ответы обнаруживают выраженную ассоциативно-семантическую связку «благополучие — осмысленность существования — целеполагание — целедостижение — удовлетворенность». Фиксируется также и формирующая в плане благополучия и жизненной удовлетворенности роль жизненных целей и усилий по их достижению: «...Цель в жизни должна быть обязательно, когда есть цель — человек двигается» (женщина, 65 лет); «неблагополучие — когда человек не понимает, что ему нужно от жизни» (женщина, 31 год); «...нежелание трудиться ради своей цели» (мужчина, 50 лет); «нету стремления...» (мужчина, 26 лет) и т. п. «Обесмысливание» жизни в плане отсутствия значимых целей, или пассивная позиция по отношению к их реализации — знаковый момент в плане потери ощущения благополучия.

Интересно, что в ответах представителей старшей возрастной подгруппы (55 и более лет) заметен тренд «пассивного» благополучия, большее значение придается фактору удачи, случая, везения и т. д. Это можно объяснить тем, что с возрастом накапливается значительный и разнообразный опыт. Вместе с ним человек приобретает и определенную долю социального пессимизма, видя, что далеко не все усилия и устремления приводят к достижению целей и срабатывают на успех. Одновременно часть личных неудач можно списать на невезение, в определенной мере оправдав ими свои ошибки, реабилитировав свою в них роль.

Содержание благополучия в обобщенных субъективных оценках

Основываясь на данных исследования и их анализа, можно обозначить следующее понятийное наполнение благополучия. Так, в контент-трендах выделяются две оценочные установки, различающиеся по возрастному фактору и функциональной природе. Это различие может быть объяснено, во-первых, влиянием фазы жизненного цикла: представление людей о своем благополучии и его оценка меняются в зависимости от того, достигли ли они уже достаточного уровня, или еще находятся «в пути». Во-вторых, значение имеют и определенный социальный оптимизм, и мотивация на личные усилия.

Первая оценочная установка, носителями которой преимущественно выступают молодые (18—34 лет) и среднего возраста (35—54 года) люди, предстает как деятельностно-активная. Ее выразители уверены, что их благополучие зависит от личной целеустремленности («формирую Я»), способности услышать самого себя и свои

желания, а также расставить цели и задачи в нужном приоритете. Высказывается достаточный социальный оптимизм, влияние других субъектов вторично.

Носители второй установки в большинстве своем старше 55 лет, сильнее беспокоятся о своем материальном положении и более других признают роль факторов случая и везения в жизненном успехе. Ее можно обозначить как пассивно-функциональную. Уровень оптимизма невысокий, благополучие в большой степени связывается с влиятельными другими («формируемое у меня») и различными формами неконструктивного и препятствующего воздействия общественных субъектов и институтов. Соответственно, в этой группе можно говорить о более низком уровне оценки благополучности жизни и об определенном пессимизме вплоть до признания неспособности к собственным усилиям и решению существующих проблем.

Если рассматривать счастье как компонент или определенный уровень благополучия, то оно ассоциативно сопряжено с такими категориями, как семья и дом («счастье, прежде всего это дом, семья» (женщина, 51 год), «счастье — это когда у тебя есть дети и у тебя есть семья» (женщина, 31 год), «дом и семья, и еще раз дом и семья» (женщина, 51 год)), эмоциональная стабильность и эмоциональные состояния («счастье — это когда ты чувствуешь себя гармоничным и наполненным» (женщина, 29 лет), «состояние, когда все твои потребности удовлетворены» (мужчина, 27 лет), «счастье — это когда ты ни о чем не жалеешь, ты наслаждаешься каждым моментом своей жизни» (женщина, 46 лет)), любовь («счастье это любовь» (женщина, 48 лет), «когда ты любишь и тебя любят» (женщина, 28 лет), «это когда люди любят друг друга» (мужчина, 61 год)), социальные отношения («счастье это когда тебя слушают» (мужчина, 25 лет), «это когда тебя понимают и, когда понимаешь ты людей» (женщина, 71 год), здоровье («когда ты сам здоров и твои близкие здоровы» (мужчина, 54 года)), жизнь («счастье — это жизнь, жизнь, жизнь и еще раз жизнь» (женщина, 62 года), «когда нет войн» (мужчина, 27 лет), «когда у тебя есть уверенность в завтрашнем дне» (женщина, 31 год)). Среди минимально представленных в ответах категорий можно выделить материальное («доход») и профессиональное благополучие («работа»). Соответственно, субъективные представления о счастье определяются личностными ценностями благополучия, в то время как представление о благополучии в целом значительно шире и детерминировано факторами социокультурного порядка.

Вместо заключения

Таким образом, высказываемые субъективные оценки благополучия понятийно основываются на базовых и терминальных ценностях, в целом релевантных системе базовых социальных ценностей, характерной для современного российского общества (семья, здоровье, труд/работа, материальное благополучие). В их реализации благополучие как целевое состояние и ориентация находит себе подпитку и развитие. Следовательно, основа этого состояния имеет ценностный характер, а понятийные ассоциации благополучия представляют собой именно ценности. Можно указать и на то, что при отсутствии серьезных экономических и политических потрясений благополучие человека формирует его ближайшее окружение и опыт личных поведенческих практик. Отмечается интегральный контент-тренд

интервьюирования — в текущий момент времени преобладает положительная оценка личного благополучия.

В эмпирической оценке благополучие вырисовывается как состояние:

- социально зрелого человека, в достаточной мере приспособленного к преодолению трудностей жизни именно в «нашем» обществе;
- фундаментом которого выступают семья, ее психологическая и финансовая стабильность;
- которое формируют: личная активность, целеустремленность, желание достичь большего, ориентированность на результат;
- процессуально конструируемое повседневностью, а также способностью черпать силы и оптимизм в повседневных практиках;
- в определенной мере зависимое от позиции государства в плане реализации мер социальной поддержки, защиты, обеспечения.

Критериально социальное неблагополучие в представлениях информантов коррелирует с низкой личной активностью и нацеленностью на результат, нежеланием прикладывать усилия и двигаться вперед, с отсутствием внятных и значимых жизненных ориентиров, а также в небольшой степени с социальной апатией, приспособленчеством как формой нивелирования потребностей и злоупотреблением алкоголем. Бесцельное, пассивное существование, отсутствие значимого занятия (работы, хобби как ценностей и вида повседневной практики), приносящего результат и удовлетворение, люди ассоциативно выражают как антипод благополучия. Недостаточная индивидуальная мобильность — еще один антифактор благополучия человека. Соответственно, элементы аддикции, личностной аномии, затягивающейся маргинальности, социального отчуждения формируют поле, в котором социальное благополучие нивелируется, механизмы его достижения не развиваются.

Список литературы (References)

Мареева С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695—707. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>.

Mareeva S. V. (2018) Subjective Well-Being and Ill-Being Zones in the Russian Society. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 695—707. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707>. (In Russ.).

Охотский Е. В. Социальное государство: реальность или миражи социального благополучия? // Труд и социальные отношения. 2015. № 6. С. 47—62.

Okhotsky E. V. (2015) Social State: Realities or Mirages of Social Well-Being. *Labor and Social Relations*. No. 6. P. 47—62. (In Russ.).

Шамионов Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 68—81.

Shamionov R. M. (2014) Ethno-Cultural Factors of Person's Subjective Well-Being. *Psychological Journal*. Vol. 35. No. 4. P. 68—81. (In Russ.).

- Allik J., Mõttus R., Realo A., Rozgonjuk D. (2018) What Makes Young Russians Happy and Satisfied with Their Lives? *SAGE Open*. Vol. 8. No. 3. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/2158244018803136>.
- Andrews F. M. (1991) Stability and Change in Levels and Structure of Subjective Well-Being: USA 1972 and 1988. *Social Indicators Research*. Vol. 25. No. P. 1—30. <https://doi.org/10.1007/BF00727649>.
- Aslam A., Corrado L. (2012) The Geography of Well-Being. *Journal of Economic Geography*. Vol. 12. No. 3. P. 627—649. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr041>.
- Bartels M. (2015) Genetics of Wellbeing and Its Components Satisfaction with Life, Happiness, and Quality of Life: A Review and Meta-analysis of Heritability Studies. *Behavior Genetics*. Vol. 45. No. 2. P. 137—156. <https://doi.org/10.1007/s10519-015-9713-y>.
- Costa P.T., McCrae R.R. (1980) Influence of Extraversion and Neuroticism on Subjective Well-Being: Happy and Unhappy People. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 38. No. 4. P. 668—678. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.4.668>.
- Diener E., Oishi S., Tay L. (2018) Advances in Subjective Well-Being Research. *Nature Human Behavior*. Vol. 2. No. 4. P. 253—260. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6>.
- Easterlin R. A. (2003) Explaining Happiness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 100. No. 19. P. 11176—11183. <https://doi.org/10.1073/pnas.1633144100>.
- Easterlin R. A. (2013) Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>.
- Goodwin R., Allen P., Nizharadze G., Emelyanova T., Dedkova N., Saenko Y., Bugrova I. (2002) Fatalism, Social Support, and Mental Health in Four Former Soviet Cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 28. No. 9. P. 1166—1171. <https://doi.org/10.1177/01461672022812002>.
- Gureev A. S., Ananieva E. D., Rubanovich A. V., Inglehart R. F., Ponarin E. D., Borinskaya S. A. (2018) Association of MAOA-uVNTR Polymorphism with Subjective Well-Being in Men. *Russian Journal of Genetics*. Vol. 54. No. 5. P. 562—567. <https://doi.org/10.1134/s1022795418050058>.
- Inglehart R. (2000) Globalization and Postmodern Values. *The Washington Quarterly*. Vol. 23. No. 1. P. 215—228. <https://doi.org/10.1162/016366000560665>.
- Joshanloo M., Weijers D. (2014) Aversion to Happiness across Cultures: A Review of Where and Why People are Averse to Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 717—735. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9489-9>.
- Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 107. No. 38. P. 16489—16493. <https://doi.org/10.1073/pnas.1011492107>.

- Mikucka M., Sarracini F., Dubrow J. K. (2017) When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981—2012. *World Development*. Vol. 93. P. 447—459. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.002>.
- Mizobuchi H. (2017) Measuring Socio-Economic Factors and Sensitivity of Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 463—504. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9733-1>.
- Oswald A. J., Wu S. (2010) Objective Confirmation of Subjective Measures of Human Well-Being: Evidence from the U.S.A. *Science*. Vol. 327. No. 5965. P. 576—579. <https://doi.org/10.1126/science.1180606>.
- Sortheix F. M., Schwartz S. H. (2017) Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability across Countries. *European Journal of Personality*. No. 31. No. 2. P. 187—201. <https://doi.org/10.1002/per.2096>.
- Steel P., Schmidt J., Shultz J. (2008) Refining the Relationship between Personality and Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 1. P. 138—161. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.1.138>.
- Van Praag B. (2011) Well-Being Inequality and Reference Groups: An Agenda for New Research. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 9. No. 1. P. 111—127. <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9127-2>.
- Vittersø J., Nilsen F. (2002) The Conceptual and Relational Structure of Subjective Well-Being, Neuroticism, and Extraversion: Once Again, Neuroticism Is the Important Predictor of Happiness. *Social Indicators Research*. Vol. 57. No. 1. P. 89—118. <https://doi.org/10.1023/A:1013831602280>.
- White S. C. (2010) Analyzing Wellbeing: A Framework for Development Practice. *Development in Practice*. Vol. 20. No. 2. P. 158—172. <https://doi.org/10.1080/09614520903564199>.